

ВОКРУГ ДА ОКОЛО

Экраны
сцена -
- 1997 -
- Ч-РР
Док. -
- С.С.

Когда первая обладательница Международной балетной премии "La Divina" (за 1995 год), солистка Мариинского театра Диана Вишнева получила в минувшем феврале право станцевать на главной сцене страны Китри в "Дон Кихоте", не было

Странный спектакль

еще ясно, станет ли московская гастроль традицией, — компания "Ардани Артистс" лишь вела переговоры с руководством

Большого театра. Переговоры увенчались успехом, и в Большом состоялось чествование очередного лауреата. "Божественная-96" Ульяна Лопаткина выбрала для своего бенефиса "Баядерку".

В Мариинском театре Никитя — одна из коронных ее партий. Именно **коронных**. Тут не фактура, не манера, и уж конечно, не претензия, а форма существования балерины подобно тому, как движение есть форма существования материи. Лопаткина — королева. Что не мешает ей относиться к самой себе в высшей степени критически. В свои двадцать четыре года Ульяна успела выслушать столько восторженных слов, невероятных комплиментов и самых радужных прогнозов, что, кажется, можно бы уже, как говорится, купоны стричь. А в ее умном и неизменно взыскующем взгляде, направленном скорее внутрь себя, всегда заметишь... нет, не беспокойство — неуспокоенность, неутоленность. Вот и новый титул — "Божественная" — балерина приняла с достоинством, но и с настороженностью. Опять же внутрь себя обращенной настороженностью. Перед бенефисом волновалась: московская и петербургская версии различны, а репетиций мало.

Наконец, долгожданный вечер настал. Это был странный спектакль. Кто-то пошутил даже: не эхо ли отбушевавших днем неподалеку митингов (дело было 7 ноября) докатилось сюда, выбив всех из колеи? Нужно, безусловно, поблагодарить Большой театр за то, что он предоставляет нам случай увидеть не в отдельном концертном номере, а в полнометражном спектакле каждого лауреата, к какой бы труппе или стране ни был тот приписан. Но ведь гостеприимство, будь оно и самым радушным, не подменяет качества.

Любой спектакль, конечно же, хочется видеть в безукоризненном исполнении. Для "Баядерки" это важно вдвойне: с одной стороны, из-за того, что во многом архаичный (за исключением третьего акта — "Тени"), балет без соблюдения этого неперемennого условия смотрится с трудом, а с другой, потому что "Тени" — нестареющий шедевр, редкое по красоте, стройности и стильности творение, тем более невозможно смотреть, если кордебалет разболтан, а о воздушности, поэтичности и

всяком таком прочем, глядя на солисток, остается только мечтать.

Недавно Владимир Васильев сказал с телеэкрана, что одной из основных задач театра, по его мнению, является повышение исполнительского уровня. Трудно не согласиться. Кто знает, быть может, именно с этой целью в партиях, требующих известного мастерства и артистизма, в Большом порой выводят танцовщиц, которые (во всяком случае пока) вполне годились бы лишь для первой линии кордебалета. Мол, главное бросить в воду, пусть барахтаются, авось выплывут. Заодно и плавать научатся. Научатся, нет ли — это еще вопрос, а зритель вынужден смотреть, как они беспомощно пускают пузырьки, и снова вздыхать о былом.

Если от московской молодежи ничего сверхъестественного никто и не ожидал, то солиста Мариинского театра, Нью-Йорк Сити Балет и Лондонского Королевского балета Игоря Зеленского, приглашенного исполнить партию Солора, ждали с интересом. Однако... Танцовщик сильный, техничный, не раз сорвавший аплодисменты в сольных вариациях, оказался никудышным партнером. Возможно, заметная скованность, холодность, непроницаемость для партнерш объяснялись серьезной травмой спины. Возможно. И все же. В довершение впечатления он просто-напросто уронил Гамзатти (Марию Аллаш). Оно конечно, невеста нелюбимая, а тут еще вращается, прямо скажем, со скрипом... Но коли взялся за гуж, то есть, простите, за талию, так уж держи, на то и поставлен.

Аккомпанементом "чарующему" зрелищу были не менее чарующие звуки музыки. Я бы сказала, убаюкивающие звуки — настолько бесцветно звучал оркестр, — однако под такой разнотой не поспишь.

Словом, спектакль раскачивало, точно телегу, у которой вот-вот отвалится колесо.

Но все это размывалось, как бы теряя резкость, да, в общем, и значение, когда на сцене появлялась Лопаткина.

Линии ее тела — излом вскиннутого лебединого крыла. Та же напряженная графичность. Ее танец — осколок раскаленной гальки с берегов родного южного моря (Ульяна родилась в Керчи), забранный в строгую, без излишеств и завитушек, холодноватую оправу, сработанную на улице зодчего России. Когда Никитя во втором акте исполняла знаменитый танец со змеей, в зале тотчас забыли о том, как только что вздыхали, прыскали в кулак и ску-

чали. Какой-то мутный у остальных, у Лопаткиной рисунок движений и чувств предстал вдруг ясно и отчетливо. Балерина рассказала вечную историю любви и предательства так, что, известная в тысячах вариаций, она вновь вызвала ощущение, а сама рассказчица — восхищение.

И хотя третий акт удался Лопаткиной хуже, эти шероховатости — всего лишь случайные пылинки, едва ли заметные в драгоценной короне "Божественной".

Наталья ЗВЕНИГОРОДСКАЯ